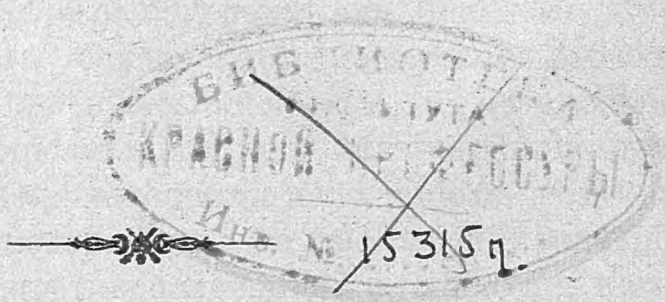
В. А. ПОССЕ.

Формы правленія и демократія.

ЗАМѢТКА.



1906.

Формы правленія и демократія.

I.

Господство буржуазіи международно, но формы, въ которыхъ оно проявляется въ разныхъ странахъ, не одинаковы. Главное орудіе этого господства—государственная власть—видоизмѣняется въ зависимости отъ историческихъ судебъ каждой страны; ея сила, ея форма, ея отношеніе къ личности и народу опредѣляется классовою борьбой въ періоды, предшествовавшіе торжеству капитализма и буржуазіи, составомъ господствующаго класса, его большею или меньшею однородностью; затѣмъ современною классовою борьбою пролетаріата, ея продолжительностью и интенсивностью, составомъ пролетаріата, его большею или меньшею однородностью; наконецъ, положеніемъ тѣхъ народныхъ слоевъ, которые еще не дифференцировались въ два класса съ противоположными интересами, и ихъ большею или меньшею близостью съ одной стороны къ пролетаріату, съ другой къ буржуазіи. Получается очень сложная картина очень сложныхъ политическихъ режимовъ. Чтобы оцѣнить эти разнообразные политическіе режимы съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата, необходимо было бы разсмотрѣть, на сколько въ томъ или другомъ случаѣ „государственная“ воля господствующаго класса ограничивается волею народ-

ной, на сколько „народомъ“ считаются всѣ трудящіеся въ данной странѣ, на сколько сильно развиты государственная централизація, бюрократія, милитаризмъ, на сколько тѣсенъ союзъ между государствомъ и церковью, на сколько обезпечена неприкосновенность личности, свободы собраній, союзовъ, стачекъ, свободы слова и т. д. Оцѣнивать тотъ или другой политическій строй исключительно въ зависимости отъ монархическаго или республикзнскаго „образа правленія“ совершенно невозможно. Между тѣмъ въ соціалистической печати и на соціалистическихъ конгрессахъ очень часто при оцѣнкѣ политическаго строя той или другой страны принимается во вниманіе не вся совокупность элементовъ и отношеній, изъ которыхъ онъ слагается, а исключительно форма правленія; отсюда проистекаетъ много неясностей, недоразумѣній, противорѣчій.

Когда въ 1903 г. Фольмаръ въ своей мюнхенской рѣчи сказалъ, между прочимъ, что „соціалдемократы не буржуазные республуканцы, мышленіе которыхъ исчерпывается государственной формой, что для нихъ еще важнѣе общественныя учрежденія“, Бебель безпощадно напалъ на него, какъ на опаснаго ревизіониста.

Настаивая на томъ, что „государственная форма очень существенна“, Бебель ссылался на монархію въ Пруссіи“, эту „монархію par exéllence“, подобной „которой не найти во всемъ свѣтѣ“ и указывалъ, что „прусскій монархъ, который въ то же время германскій императоръ“ является съ одной стороны самой важной опорой юнкерства, съ другой виновникомъ безправія соціалдемократіи. „Если бы, напротивъ, Пруссія была бы республикой, хотя бы и самой голубой *), то въ высшей степени вѣроятно, что мы

*) Т. е. наиболѣе консервативной и наиболѣе противопожной республикѣ демократической.

имѣли бы всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право для всѣхъ представительныхъ учрежденій, вознагражденіе депутатамъ, болѣе правильное распредѣленіе избирательныхъ округовъ, на сколько возможно пропорціональную избирательную систему, гораздо болѣе свободное право собраній и сообществъ, большую свободу печати, болѣе совершенную соціальную реформу, въ пользу которой тогда наша сила падала бы на вѣсы совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь, демократически устроенную военную систему, отвѣтственное передъ парламентомъ правительство, однимъ словомъ, былъ бы выполненъ рядъ нашихъ ближайшихъ программныхъ требованій, изъ за которыхъ теперь намъ предстоитъ выдержать еще долгую и, вѣроятно, очень тяжелую борьбу и принести огромныя жертвы."

Таково, по Бебелю, огромное значеніе для соціалдемократіи республиканской формы правленія.

„Не хотятъ ли Фольмаръ и Гёре еще и теперь утверждать, что государственная форма вещь болѣе второстепенная? — восклицаетъ онъ съ укоризной — „Что подумаютъ бельгійскіе, французскіе, австрійскіе, итальянскіе товарищи, прочитавъ ихъ разсуждонія!"

Такъ писалъ Бебель осенью 1903 г., обличая „опаснаго ревизіониста" Фольмара. Черезъ годъ на Амстердамскомъ конгрессѣ, обличая еще болѣе опаснаго „ревизіониста" Жореса, Бебель уже не разрисовываетъ прелести консервативной (голубой) республики, а, напротивъ, съ большимъ жаромъ выставляетъ очень существенныя преимущества прусско-германской монархіи по сравненію съ такими демократическими республиками, какъ Франція, Сѣв.-Ам. Соединеные Штаты и Швейцарія. Въ коммиссіи при закрытыхъ дверяхъ*), Бебель,

*) Пренія на Амстердамскомъ конгрессѣ происходили большей частью въ „комиссіи", куда не допускались ни публика ни

по отчету Vorwärts'а, возражая Жоресу, указавшему на то, что Франція—республика, а Германія—монархія и потому дрезденская резолюція для первой не подходитъ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Правда, у насъ монархія и реакціонное правительство, но со времени горнозаводской стачки 1889 г. у насъ ни разу не направлялись противъ стачечниковъ войска, между тѣмъ во Франціи это дѣлается чуть не каждый день... Королевская власть можетъ также иногда, какъ это было при Бисмаркѣ, попасть въ положеніе, когда она должна опереться на рабочихъ противъ буржуазіи... Королевская властъ должна также постоянно бояться потерять свой престижъ...“

При открытыхъ дверяхъ Бебель заявилъ, что нѣмецкіе соціалдемократы, конечно, стоятъ за республику, но республику соціалистическую, а не буржуазную. Республика буржуазная не стоитъ, по ихъ мнѣнію, того, чтобы изъ за нея рисковать головами.

„Буржуазная ли монархія, буржуазная ли республика — все равно обѣ являются классовыми государствами, обѣ по своей природѣ должны заботиться о сохраненіи капиталистическаго общественнаго порядка. Обѣ должны со всею своей силой выступать за то чтобы буржуазія удержала всю свою власть при законодательствѣ. Ибо въ тотъ моментъ когда она потеряетъ политическую власть, потеряетъ она также свое хозяйственное и соціальное положеніе. Не такъ плоха монархія, какъ вы ее представляете и не такъ хороша буржуазная республика, какъ вы ее изображаете. Даже въ нашей милитаристической, юнкерской, полицейской

„печать“, тѣмъ не менѣе въ газетахъ появились краткіе очерки объ этихъ засѣданіяхъ. Отчеты въ соціалистическихъ газетахъ могутъ считаться достовѣрными, такъ какъ они составлялись или делегатами, или представителями соціалистической прессы, допущенными въ видѣ исключенія.

Германіи имѣются учрежденія, которыя для вашей буржуазной республики представляются еще идеаломъ. Посмотрите на податное законодательство въ Пруссіи и другихъ германскихъ государствахъ и посмотрите на него во Франціи. Я не знаю ни одной страны въ Европѣ, въ которой податная система была бы столь подлой, реакціонной, эксплуататарской, какъ во Франціи. Въ противоположность къ этой системѣ, высасывающей всѣ соки изъ народа, при бюджетѣ въ $3^1/_2$ милльярда франковъ, мы, по крайней мерѣ, имѣемъ подоходный налогъ и налогъ на имущество.

И если дѣло идетъ объ осуществленіи требованій рабочаго класса, то буржуазная республика направляетъ всѣ орудія своей власти противъ рабочихъ. Гдѣ возможно расправляться съ рабочими такъ жестоко и подло, какъ въ великой буржуазной республикѣ по ту сторону океана, идеалѣ столь многихъ?! Также и въ Швейцаріи, гораздо болѣе демократической республикѣ, чѣмъ ваша Франція, въ одно только это короткое лѣто милиція даже при самыхъ незначительныхъ стачкахъ шесть разъ высылалась противъ рабочихъ, хотѣвшихъ воспользоваться своимъ правомъ коалиціи и собраній".

„Бурзуазная республика — резюмировала рѣчь Бебеля въ „комиссіи" одна германская соціалдемократическая газета — ничто иное, какъ незамаскированное классовое господство буржуазіи; позорное положеніе вещей, которое создано въ настоящее время въ столицѣ берлинскими городскими свободомыслящими, а во Франкфуртѣ на Майнѣ зоннеманократіей *), республика сдѣлала бы германскими государственными учрежденіями; она предоставила бы министерству Рихтера—Зоннемана — Бассермана смѣняться министерствомъ Рихтера—Зоннемана—Шпана и вооружила бы безпри-

*) Т. е. вліяніемъ демократа Зоннемана, издателя „Frankfurter Zeitung".

мѣрную низость нѣмецкихъ предпринимателей при ихъ борьбѣ съ рабочими пулями и картечью".

Гэдъ, говорившій въ комиссіи послѣ Бебеля и вполнѣ съ нимъ солидарный, пояснялъ и дополнялъ амстердамскую рѣчь вожака нѣмецкой соціалдемократіи въ такихъ, надо отдать ему справедливость, совершенно опредѣленныхъ выраженіяхъ:

„Вы (обращаясь къ жоресистамъ) совершенно лишены чувства классовой борьбы, о которомъ, вы говорите, вы ее никогда не вели практически. Это выглядитъ очень хорошо, когда вы сворачиваете въ область историческаго развитія народовъ, къ вашему „спасенію республики". Согласимся на минуту, что республика была спасена вашими друзьями, но какъ, спрашиваю я васъ, форма республики могла бы хоть на одинъ день ускорить освобожденіе пролетаріата? Бебель сказалъ вамъ вчера, что республиканская форма является областью, на которой объединяются всѣ фракціи буржуазнаго класса и что въ извѣстномъ смыслѣ монархія, на сколько она стоитъ надъ классами, имѣетъ надъ ней преимущества. Вы могли бы, пожалуй, вспомнить также слова Тьера, которыя были выраженіемъ чувствъ цѣлаго класса: республика—та форма правленія, которая всего менѣе насъ раздѣляетъ. Такимъ образомъ, если бы вы даже спасли республику, то вы бы этимъ ничего не сдѣлали для пролетаріата. Если пролетаріатъ, чтобы ее спасать, когда она въ опасности, каждый разъ долженъ откладывать свои требованія, то республика — худшее изъ правительствъ... Взгляните-ка на реформы, которыми вы осчастливили пролетаріатъ. Вы кичитесь свѣтскостью школы и отдѣленіемъ церкви отъ государства! Предположимъ, что республиканская буржуазія все это провела бы, но это не имѣло бы никакого значенія. Посмотрите на Америку, гдѣ церковь отдѣлена отъ государства! Препо-

даваніе, не смотря на это остается конфессіональнымъ, такъ какъ невозможно никакое духовное освобожденіе до полнаго переворота капиталистическаго общества... Нужно ли еще говорить о десятичасовомъ законѣ, проведеніе котораго вы приписываете себѣ? Законъ рѣшенъ былъ въ разгарѣ реакціи, въ 1892 г., и вы только на десять лѣтъ задержали его примѣненіе. (Возгласы: Это не такъ. Вальянъ въ палатѣ заявилъ какъ разъ обратное!) Вы заявляете, что подготовляется поддержка немощныхъ рабочихъ; но она даетъ рабочимъ лишь десятую часть того, что дала рабочимъ монархія Гогенцоллерновъ. (Возгласъ: Вы знаете, что это неправда!) А что касается войны, то мы ее предусматривали въ 1877 и 1886 г., вы же подготовляете ее, голосуя военный бюджетъ (Возгласъ: Это опять таки невѣрно). Впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что вы дѣйствуете такимъ образомъ. Ваша ошибка фундаментальная. Вы соединяете соціализмъ съ республикой и съ французской революціей. Но мы говоримъ, что соціализмъ—результатъ чисто хозяйственныхъ явленій, и это основное воззрѣніе стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ вашимъ представленіемъ. Вы дѣлаете изъ республики первую главу или предисловіе къ соціализму. Если бы это было вѣрно для Франціи, тогда это было бы вѣрно и для всѣхъ странъ, поэтому мы и выставили эти вопросы передъ пролетаріатомъ всѣхъ странъ. Не думаете-ли вы, что завоеваніе республики можетъ улучшить жизненное положеніе пролетаріата?!“.

Въ споръ о преимуществахъ монархіи или республики вмѣшался и Каутскій, старающійся примирить внѣшнее противорѣчіе между „монархическимъ и республиканскимъ суевѣріемъ“ въ „высшемъ единствѣ“.

Въ № 48 „Die Neue Zeit“ за 1904 г. въ статьѣ, посвященной яко-бы огромнымъ результатамъ Амстердамскаго конгресса, Каутскій „теряетъ“, по его выра-

женію, „нѣсколько словъ“ по поводу вопроса. „выдвинутаго Бебелемъ, такъ какъ выраженія Бебеля были совершенно невѣрно поняты, хотя въ нихъ не заключалось ничего, что не было бы давно признано въ нѣмецкой соціалдемократіи“.

„Бебель—пишетъ Каутскій—провелъ параллель между обращеніемъ съ рабочими въ республикахъ, каковы Америка, Франція, Швейцарія и въ монархіи, какова Германія, и онъ констатировалъ, что въ республикахъ господствующая политика часто болѣе враждебна рабочимъ, чѣмъ въ монархіяхъ, что, напр., въ Германіи, не смотря на всевозможныя притѣсненія стачечниковъ судами и полиціей, случаи вмѣшательства военной силы въ стачки гораздо болѣе рѣдки, чѣмъ въ этихъ республикахъ; точно также податная система во Франціи, и, онъ могъ бы также прибавить, въ Соединенныхъ Штатахъ, гораздо испорченѣе, чѣмъ въ Пруссіи. Его вслѣдствіе этого сдѣлали адвокатомъ монархіи, несмотря на то, что онъ опредѣленно объявилъ, что мы—республиканцы и что онъ республику считаетъ высшей государственной формой, чѣмъ монархію. Другіе пожелали увидѣть въ этихъ двухъ заявленіяхъ противорѣчіе: если республика враждебнѣе рабочимъ, чѣмъ монархія, то для представителя рабочаго класса нелѣпо предпочитать первую второй. Оба упрека Бебелю основываются на грубомъ непониманіи природы пролетарской классовой борьбы и проникнуты духомъ буржуазной демократіи, которая въ политическихъ формахъ, а не въ экономическихъ, классовыхъ интересахъ видитъ рѣшающій факторъ нашей общественной жизни.

„Мы уже потому республиканцы, что демократическая республика является единственной политической формой, соотвѣтствующей соціализму. Монархія можетъ существовать лишь на основѣ классовыхъ различій и классовыхъ противоположностей. Уничтоженіе

классовъ обусловливаетъ и уничтоженіе монархіи. Это еще теперь не обязываетъ насъ стремиться низвергнуть монархію, такъ какъ мы еще ничего не знаемъ о времени и родѣ проведенія соціальнаго преобразованія. Но это все же имѣетъ для насъ нѣкоторое практическое значеніе, такъ какъ припятствуетъ намъ пользоваться помощью монархіи для осуществленія даже только нашихъ ближайшихъ требованій или способствовать усиленію монархическаго правительства.

Но республика симпатична намъ не только во вниманіе къ болѣе или менѣе отдаленному будущему государству соціальной республики. И какъ буржуазная республика должна она быть для соціалистическаго пролетаріата болѣе цѣнной, чѣмъ монархія, такъ что онъ рѣшаетъ въ пользу республики тамъ, гдѣ ему представляется выборъ между обѣими государственными формами. Ибо буржуазная республика представляетъ изъ себя государственную форму, въ который рѣшительный бой между пролетаріатомъ и буржуазіей можетъ быть проведенъ раньше всего и лучше всего. Это зависитъ отъ того, что въ республикѣ рѣзче и яснѣе всего проявляется противоположность между пролетаріатомъ и буржуазіей.

„Правда и монархія необходимымъ образомъ враждебна борющемуся за свое освобожденіе пролетаріату, такъ какъ это освобожденіе требуетъ уничтоженія классовъ, т. е. основнаго условія монархіи. Но она нисколько не заитересована въ томъ, чтобы допустить другой классъ къ его исключительному господству; сила монархіи больше всего тамъ, гдѣ различные классы держатъ другъ друга въ равновѣсіи. Это при случаѣ можетъ побудить монархическое правительство взять пролетаріатъ подъ свою защиту отъ буржуазіи.

„Съ другой стороны въ монархіи бужуазія при извѣстныхъ условіяхъ можетъ чувствовать себя болѣе стѣс-

ненной правительствомъ, которое не является ея прямымъ классовымъ правительствомъ, чѣмъ пролетаріатомъ; она можетъ призывать его для ослабленія правительства и для этой цѣли укрѣплять.

„Наконецъ, въ монархической странѣ самъ пролетаріатъ встрѣчаетъ между собою и буржуазіей монархію, какъ противника отъ нея отличнаго. Вслѣдствіе этого его вниманіе раздѣляется, острота классовой противоположности, интенсивность классовой борьбы ослабляется.

Совсѣмъ иначе въ буржуазной республикѣ при развитомъ капиталистическомъ производствѣ. Здѣсь буржуазія господствуетъ прямо, здѣсь пролетаріатъ и буржуазія стоятъ другъ противъ друга непосредственно, здѣсь пролетаріату не приходится перелѣзать черезъ стѣну монархическато правительства, разъ онъ хочетъ схватить буржуазію за шиворотъ.

„Въ монархическихъ странахъ—и тѣмъ болѣе, чѣмъ абсолютнѣе монархія,—пролетаріатъ часто вынужденъ концентировать всю свою силу на борьбѣ съ правительствомъ. Удастся ему тамъ низвергнуть государственную власть, то онъ стоитъ не въ концѣ своей борьбы, а въ началѣ новой, болѣе интенсивной фазы классовой борьбы. Удастся ему, напротивъ, въ буржуазной республикѣ низвергнуть существующую государственую власть, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ окончательно побѣдилъ буржуазію, произвелъ ея политическую экспропріацію и сдѣлалъ неизбѣжной экспропріацію экономическую.

„Отсюда большое значеніе, которое уже и буржуазная республика имѣетъ для пролетаріата. Но именно поэтому въ республикѣ классовое сознаніе и классовая ненависть буржуазіи по отношенію къ пролетаріату болѣе развита, и буржуазія тамъ тѣмъ безсовѣстнѣе въ своей классовой борьбѣ противъ пролетаріата, тѣмъ

неразборчивѣе въ средствахъ, будь это жестокое усмиреніе или коварное ухищреніе и совращеніе".

Въ этихъ разсужденіяхъ, которыя можно озаглавить: „Нѣтъ худа безъ добра и нѣтъ добра безъ худа", встрѣчаются утвержденія, которыя поражаютъ, исходя отъ такого виднаго представителя научнаго соціализма, какъ Каутскій.

Форма правленія, монархія, превращается у него въ особую общественную силу, стоящую независимо отъ пролетаріата и буржуазіи, и при случаѣ берущую пролетаріатъ подъ свою защиту.

Въ монархіяхъ пролетаріатъ, увѣряетъ Каутскій, только тогда начнетъ классовую борьбу, когда покончитъ борьбу съ „правительствомъ", и въ то же время, увѣряетъ Каутскій, „мы", т. е. соціалдемократы, отнюдь не обязаны практически стремиться къ низверженію монархіи.

Но можетъ быть, болѣе всего характерна выдвигаемая Каутскимъ теорія „равновѣсія классовъ" въ сильной монархіи. Въ Россіи, такимъ образомъ, нѣтъ класса угнетающаго и класса угнетеннаго, класса господствующаго и класса подчиненнаго, въ Россіи равновѣсіе классовъ; Германія приближается къ этому равновѣсію, а самымъ рѣшительнымъ образомъ оно нарушено въ Швейцаріи*).

Теорія равновѣсія классовъ поддерживается у Каутскаго тѣми же фактами, которые приводитъ и Бебель для подтвержденія менѣе враждебнаго отношенія къ рабочему движенію правительствъ монархическихъ по сравненію съ республиканскими.

Въ Швейцаріи и Франціи милиція и войско высылаются противъ стачечниковъ чуть не ежедневно въ прусской Германіи не высылались съ 1889 года! Во

*) Въ своей книгѣ „Парламентаризмъ и пр." Каутскій тоже упоминаетъ о „равновѣсіи классовъ", но тамъ государствомъ съ равновѣсіемъ классовъ является не самая абсолютная монархія, а самая демократическая республика Швейцаріи.

Франціи самая подлая податная система, какую только можно себѣ представить, въ Пруссіи благородный подоходный налогъ!

Эти „поразительные факты“ не могли не поразить редактора „Vorwärts'a“.

„Все одинъ и тотъ же аргументъ усмиренія стачекъ войсками и прусскаго податнаго законодательства выставляется противъ французской республики и въ пользу прусской монархіи!“—восклицаетъ онъ.

„Понятно — если подобныя жалкія декораціи выдвигаются французскими товарищами во французскомъ партійномъ спорѣ, но не понятно, что подобными аргументами играютъ въ Германіи соціалистическаго закона, каторжнаго законопроекта, положенія о прислугѣ, закона о нарушеніи договора найма, въ Германіи съ ея Лёбтау и Лауровой шахтой. Развѣ уже совсѣмъ забыли, что вѣчною мечтою Бисмарка было разгромить нѣмецкій пролетаріатъ въ кровавой битвѣ? Если въ Германіи противъ стачекъ обыкновенно не высылается войско, то это заслуга полицейскаго государства и удивительной дисциплины соціалдемократическаго пролетаріата. Полиція такъ своевременно арестовываетъ перваго же демонстранта, что войску болѣе уже совершенно нечего дѣлать. Въ кого стало бы стрѣлять войско? Оно могло бы попасть самое большее въ демонстрирующихъ хозяевъ и ихъ агентовъ штрейкбрехеровъ. И соціалдемократія воспитала и научила нѣмецкій пролетаріатъ подчиняться этой полицейской дисциплинѣ и отказываться отъ демонстрацій. Если бы въ Германіи демонстрировали подобно тому, какъ въ Шалонѣ, то сколько бы было лѣтъ каторжной работы, сколько бы было убитыхъ? Это совсѣмъ не особенность республики стрѣлять въ стачечниковъ и совсѣмъ не преимущество монархіи оставлять солдатъ въ казармѣ. Нигдѣ не проливается столько рабочей крови, какъ въ австрійской *монархіи*.

„Но далѣе. Неужели дѣйствительно совсѣмъ забыто, къ сколькимъ сотнямъ лѣтъ каторжныхъ работъ и тюрьмы нѣмецкіе суды приговариваютъ рабочихъ, которые въ борьбѣ за свое существованіе едва только немного нарушаютъ строжайшія полицейскія предписанія, *если* они вообще ихъ нарушаютъ. Развѣ доносятся слухи о подобныхъ кровавыхъ приговорахъ изъ Франціи? Напротивъ. Слышно о „добрыхъ судьяхъ“. Эта кровожадная французская буржуазія такъ плохо воспитала своихъ судей, что они не помогаютъ ей въ ея борьбѣ противъ бунтующихъ рабочихъ, а эта монархически ослабленная нѣмецкая буржуазія образовала своихъ судей такъ превосходно, что каждая судебная палата замѣняетъ цѣлый полкъ. Съ этой новѣйшей легендой слѣдовало бы такимъ образомъ покончить какъ можно скорѣе. Вторая декорація, это—французское податное законодательство, то же совсѣмъ новое открытіе. Противиться прямому обложенію доходовъ не составляетъ особенности буржуазной демократіи. Англійская буржуазія облагаетъ себя прямо-таки удивительнымъ образомъ по сравненію съ нѣмецкой. Вѣрно, что во Франціи существуетъ сильное отвращеніе къ прямому подоходному налогу, но въ этомъ виновата не республика и не демократическая буржуазія, а особенности соціальной структуры Франціи. Въ странѣ существенно мелкобуржуазной, гдѣ честолюбіе гражданъ направляется на то, чтобы сдѣлаться рантье, у нихъ естественно нѣтъ склонности дѣлать взносы изъ своихъ рентъ; да и не такъ уже плохо обложеніе.

Надо принять во вниманіе, что поземельный налогъ составляетъ во Франціи необычайно высокій государственный доходъ, между тѣмъ въ Пруссіи регулированіе поземельнаго налога сдѣлало изъ него своего рода премію для крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. Далѣе надо принять во вниманіе и то, что Франція получаетъ большія суммы отъ налога на наслѣдства, еже-

годно около 200 милліоновъ франковъ, тогда какъ Пруссія всего 15 милліоновъ марокъ. Сумма французскаго налога на наслѣдство такимъ образомъ больше, чѣмъ пресловутый прусскій подоходный налогъ, который въ 1901 г. далъ 185 милліоновъ марокъ, какъ разъ столько, сколько во Франціи приноситъ поземельный налогъ".

Очень кстати главный редакторъ „Vorwärts'a" отмѣчаетъ удивительную дисциплину нѣмецкихъ соціалдемократовъ, воспитывающую ихъ къ не менѣе удивительной „дисциплинѣ полицейской!"

Многимъ гордится нѣмецкая соціалдемократія: тремя милліонами голосовъ, 80-ю депутатами, ораторскимъ талантомъ Бебеля, предсѣдательскимъ искусствомъ Зингера, административными способностями Аэура, неутомимостью Клары Цеткиной, теоретическими знаніями Каутскаго и т. д. и т. д., но главную гордость составляетъ все же, повидимому, ея полицейская дисциплина.

„Дисциплина" становится второю натурою у многихъ нѣмецкихъ соціалдемократовъ, она проявляется во всѣхъ мелочахъ ея партійной жизни, и какъ разъ эти мелкія проявленія особенно характерны. Въ „Vorwärts'ѣ" часто можно встрѣтить мелкія замѣтки въ родѣ слѣдующей, случайно бросившейся намъ въ глаза.

„Россія, Россія выше всего", этою пѣснью, превосходно характеризующей положеніе вещей, отвѣтило собраніе въ Бохумѣ на распущеніе его, послѣдовавшее единственно на томъ *незаконномъ* основаніи, что хотѣла говорить одна женщина. Это уже третье публичное собраніе въ этой мѣстности, распущенное съ поясненіемъ, что женщины не смѣютъ говорить въ публичныхъ собраніяхъ. На жалобу привительственному президенту, не смотря на ясное законное положеніе дѣла, еще не послѣдовало рѣшенія. Въ указанномъ здѣсь собраніи надзирающій чиновникъ, помимо нарушающаго законъ распущенія, имѣлъ еще безтатк-

ность сказать предсѣдательствующему: „я требую, чтобы предсѣдатель удалилъ изъ залы *эту женскую персону*.

Подъ женской персоной онъ подразумѣвалъ нашу товарку Грюнбергъ изъ Берлина, которая, какъ референтка, хотѣла говорить въ собраніи.

Необходимо очень много дисциплины, чтобы принимать спокойно эти дерзкія издѣвательства надъ закономъ, каковыми являются подобныя распущенія собраній".

Не приходится ли только нѣмцамъ пѣть теперь „Россія, Россія выше всего" именно потому, что они такъ долго пѣли „Дисциплина, дисциплина выше всего". Въ Россіи по крайней мѣрѣ нѣтъ „дисциплины", а Германія можетъ, пожалуй, соединить русскіе порядки съ нѣмецкой дисциплиной. Во всякомъ случаѣ цѣпей на нѣмцевъ одѣвать не придется. Берне уже давно сказалъ: „Другіе народы—рабы, ихъ надо держать въ цѣпяхъ, нѣмцы—лакеи, на нихъ достаточно одѣть ливреи".

Можетъ быть Берне и не правъ, но редакторъ „Vorwärts'a" несомнѣнно правъ, когда указываетъ, что заслуга невмѣшательства войскъ въ усмиреніе рабочихъ стачекъ принадлежитъ совсѣмъ не монархіи, а полицейскому государству и удивительной дисциплинѣ нѣмецкихъ соціалдемократовъ.

Что касается Швейцаріи, то частыя „вмѣшательства" въ стачки милиціи надо отнести не на счетъ „республики", а на счетъ „недостаточности" полиціи. Не надо забывать и того, что въ Швейцаріи большинство стачечниковъ—иностранцы, и для нихъ большая часть „законныхъ путей" для защиты своихъ интересовъ закрыта, но это никакой связи съ „республикой" не имѣетъ.

Республику, которая можетъ быть и олигархической, Бебель и Каутскій, повидимому, отождествляютъ съ „демократіей": по крайней мѣрѣ, въ 1903 г., говоря о

томъ, что дала бы Германіи республика, Бебель перечисляетъ главные признаки демократическаго государственнаго строя.

Въ своей „Соціальной революціи“ Каутскій очень много говоритъ о значеніи демократіи для пролетаріата, но говоритъ иначе, чѣмъ въ статьѣ, посвященной Амстердамскому конгрессу.

Въ „Соціальной революціи“ выдвигается на первый планъ необходимость демократіи для духовнаго и физическаго возрожденія пролетаріата, для достиженія имъ необходимой ему зрѣлости.

Въ „Амстердамскомъ конгрессѣ“ на первый планъ выдвигается отсутствіе монархической стѣны между пролетаріатомъ и кровожадно коварной буржуазіей.

Здѣсь еще непримиримаго противорѣчія нѣтъ, но вотъ какъ примирить съ этими положеніями утвержденія того же Каутскаго въ „Соціальной революціи“, что „англійскіе рабочіе, какъ политическій факторъ, стоятъ нынѣ ниже, чѣмъ рабочіе экономически самаго отсталаго, политически самого несвободнаго государства: Россіи“. Англія, какъ согласится Каутскій, монархія только номинально и во всякомъ случаѣ должна быть причислена къ государствамъ демократическимъ, Россія же—монархія наиболѣе „абсолютная“, и вотъ оказывается, по его словамъ, что „нигдѣ пролетаріатъ политически болѣе безсиленъ, чѣмъ въ Англіи“; что „онъ не только потерялъ всякую самостоятельность въ высшей политикѣ, но онъ не умѣетъ даже болѣе охранять своихъ ближайшихъ интересовъ“; а русскій пролетаріатъ, напротивъ, „обладаетъ живымъ революціоннымъ сознаніемъ“, что „придаетъ ему большую реальную силу“.

Тутъ ужъ примирить противорѣчія становится труднѣе.

Въ статьѣ „Славяне и рев люція“, Каутскій видѣлъ

въ русскомъ пролетаріатѣ даже застрѣльщика въ всемірной революціи.

Въ „Парламентаризмѣ и пр.“ Каутскій указывалъ, что въ восточной Европѣ пролетаріатъ въ своей революціи одновременно смететъ и феодальные остатки, и буржуазное господство.

Какъ все это примирить съ утвержденіемъ, что въ монархіяхъ, особенно въ Россіи, пролетаріатъ низвергнувъ правительство, будетъ стоять еще въ самомъ началѣ классовой борьбы съ буржуазіей?

Сознаемся, что мы всего этого примирить не можемъ и потому предоставимъ примирить всѣ эти противоположности магическому діалектику и діалектическому магу Плеханову. Мы не въ состояніи примирить всѣхъ положеній и утвержденій Гэда, Бебеля, Каутскаго, но сама эта непримиримость крайне поучительна, она освѣщаетъ тѣ ложные пути, на которые легко соскальзываетъ мысль при анализѣ сложныхъ общественныхъ явленій и удерживаетъ на пути прямомъ и вѣрномъ. Этотъ путь старый и знакомый, и на немъ не приходится открывать никакихъ Америкъ!

И въ монархіяхъ, и въ республикахъ государственная власть одинаково является волею господствующаго класса. Равновѣсія классовъ нѣтъ ни въ одномъ изъ современныхъ государствъ, всюду—борьба между классомъ подчиненныхъ и классомъ господствующихъ. Борьба съ „правительствомъ“ и въ монархіяхъ, и республикахъ есть борьба классовая, борьба пролетаріата съ буржуазіей. Побѣда пролетаріата, не временная, а окончательная, и въ республикахъ, и монархіяхъ влечетъ за собою паденіе буржуазіи. Хищническіе интересы связываютъ между собою различные слои буржуазіи въ одной странѣ и буржуазію разныхъ странъ все тѣснѣе и тѣснѣе, объединяя враговъ международнаго пролетаріата; между буржуа разныхъ странъ и національностей создается своего рода круговая по-

рука, и окончательная побѣда пролетаріата не можетъ быть поэтому національной, не можетъ ограничиться одной страной, она должна быть интернаціональной. Боевая сила пролетаріата создается экономическими условіями его труда, которыя существуютъ во всѣхъ странахъ, гдѣ развивается капитализмъ и не зависятъ отъ формы правленія. Но борьба пролетаріата облегчается демократическими учрежденіями, ограничивающими произволъ государственной власти, учрежденіями, существующими не только въ республикахъ, но и во многихъ монархіяхъ. Демократическія учрежденія каждой страны имѣютъ значеніе для всего пролетаріата въ томъ числѣ и для пролетаріата тѣхъ странъ, гдѣ ихъ нѣтъ, такъ какъ и въ этихъ послѣднихъ странахъ облегчаютъ пропаганду соціалистическихъ идей. Эти демократическія учрежденія явились результатомъ борьбы среди класса имущихъ, пока онъ еще былъ раздѣленъ на рѣзко враждующіе другъ съ другомъ элементы, они были результатомъ борьбы буржуазіи съ феодалами, но теперь, когда феодалы поглощены буржуазіей, воспринявшей при этомъ много феодальныхъ чертъ, классъ имущихъ въ своей массѣ сдѣлался не только консервативнымъ, но и реакціоннымъ и нерѣдко стремится уничтожить демократическія ограниченія государственной власти. Защищать и развивать демократическія учрежденія приходится теперь пролетаріату. Облегчая борьбу пролетаріата, эти демократическія учрежденія нигдѣ, однако, не дѣлаютъ его свободнымъ, нигдѣ не обезпечиваютъ жизненныхъ условій для гармоническаго развитія личности. Это значеніе они могутъ получить лишь при устраненіи экономической зависимости человѣка отъ человѣка, при уничтоженіи режима частной собственности. Великая соціальная реформа оживитъ ихъ, разовьетъ и распространитъ на всѣ страны, сдѣлавъ изъ нихъ дѣйствительныя гарантіи народной и личной свободы.

Государств. публичная историческая библиотека
Первая районная библиотека
Шифр 1325
Калужская губернская библиотека

1923 года 25 Октября
Г. Кашра
1-я районная библиотека

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№